

Этногонические мифы науа долины Мехико и Тлашкалы как этнополитический источник

© Калюта А.В., 2025

Анастасия Валерьевна Калюта, канд. ист. наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская улица, д.7

ORCID: 0000-0002-4829-5149

E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Аннотация. Науа являются одной из крупнейших аборигенных этнолингвистических общностей историко-культурной области Мезоамерика, представляющей собой изолированный от Старого Света очаг происхождения и развития ранних государств. В настоящее время они населяют, главным образом, горные области Центрального плоскогорья и юга Западной и Восточной Сьерры-Мадре в Мексике. Отдельные, ныне весьма немногочисленные группы науа живут в странах Центральной Америки: Сальвадоре, Никарагуа и Коста-Рике. В настоящей статье рассматриваются этногонические мифы и предания науа Центральной Мексики, прежде всего долины Мехико накануне испанского завоевания. Это астеки или мешика, одни из создателей конфедерации Тройственный союз, часто и ошибочно именуемой «астекской империей»,

а также значительно менее изученные мифы чальков, жителей юго-восточной части долины Мехико, и тлашкальтеков, обитателей современного штата Тласкала в восточной части Центрального плоскогорья. Такой подход к материалу позволяет осуществить сравнительный анализ нарративов этнически близких, но при этом разных по своему самосознанию и культурным традициям групп, и выделить в них основные элементы, касающиеся миграций науа в Центральную Мексику, их отношений с автохтонным населением и основания их собственных государств и правящих династий. Целью данной статьи является анализ этногонических мифов астеков, чальков и тлашкальтеков как этнополитического источника, позволяющего реконструировать ранние этапы их истории, основные общественно-политические институты, а также их этническое самосознание и представления о власти и формах ее легитимации до испанского завоевания.

Ключевые слова: этногонические мифы, мифологические мотивы, науа Центральной Мексики, миграции и политогенез в доколумбовой Мезоамерике

Для цитирования: Калюта А.В. (2025) Этногонические мифы науа долины Мехико и Тлашкалы как этнополитический источник. *Ибероамериканские тетради*. № 3. С. 183–207. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-183-207

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Los mitos de origen de los nahuas de la Cuenca de México y Tlaxcala como fuentes etnopolíticas

© Kalyuta A.V., 2025

Anastasia V. Kalyuta, PhD (Historia), Investigadora del Instituto de Historia de la Academia de Ciencias de Rusia de San Petersburgo.
197110, Rusia, San Petersburgo, calle Petrozavodskaya, 7
ORCID: 0000-0002-4829-5149 E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Resumen. Los nahuas son una de las unidades etnolingüísticas más grandes del área cultural de Mesoamérica, un centro de origen y desarrollo de los estados tempranos aislado del Mundo Viejo. Actualmente la mayoría de ellos viven en las áreas montañosas del Altiplano Central y del sur de la Sierra Madre Oriental y la Sierra Madre Occidental en México. Unos grupos nahuas de número escaso en presente habitan en los países de América Central: Salvador, Nicaragua y Costa Rica. El artículo se enfoca en los mitos de origen de tres grandes grupos étnicos del Altiplano Central en vísperas de la Conquista. Estos grupos son los aztecas o mexica, unos de los creadores de la confederación de la Triple Alianza, frecuentemente mal llamada «el imperio azteca», los chalca, habitantes del sureste de la Cuenca de México, y los tlaxcalteca, vecinos del actual estado Tlaxcala en el este del Altiplano Central. Tal enfoque permite realizar el análisis comparativo de las narraciones míticas de tres grupos étnicos de origen común, pero de identidad y tradiciones culturales distintas y elucidar los elementos básicos vinculados con migraciones nahuas en el México Central, sus relaciones con la población autóctona y fundación de sus propios estados y dinastías en el Período Posclásico Tardío (es decir de los siglos XIII–XVI). El objetivo del artículo es examinar los mitos de origen de los aztecas, chalcas y tlaxcaltecas como fuentes etnopolíticas, lo que permite reconstruir las etapas tempranas de su historia, sus principales instituciones sociopolíticas, su identidad étnica, los conceptos del poder y formas de su legitimación antes de la Conquista.

Palabras clave: mitos de origen, sujetos mitológicos, los nahuas del Altiplano Central, migraciones y politogénesis en Mesoamérica prehispánica

Para citar: Kalyuta A.V. (2025) Los mitos de origen de los nahuas de la Cuenca de México y Tlaxcala como fuentes etnopolíticas, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 183–207. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-183-207

Declaración de divulgación: La autora declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

The Ethnogenesis Myths of the Nahuas of the Basin of Mexico and Tlaxcala as Ethnopolitical Sources

© Kalyuta A.V., 2025

Anastasia V. Kalyuta, PhD (History), Research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

197110, Russia, Saint-Petersburg, Petrozavodskaya street, 7

ORCID: 0000-0002-4829-5149

E-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

Abstract. The Nahua is one of largest indigenous ethnolinguistic entities of the cultural area of Mesoamerica, a center of origin and evolution of early states which is isolated from the Old World. Today they live predominantly in mountain areas of the Central Plateau and southern region of the Sierra Madre Occidental and the Sierra Madre Oriental in Mexico. Few Nahua groups currently inhabit the Central American countries of Salvador, Nicaragua and Costa Rica. This article examines the origin myths of three large Nahua ethnic groups of Central Mexico before the Spanish Conquest. These groups are the Aztecs or Mexica, one of the founders of the Triple Alliance confederation, frequently and erroneously called the «Aztec empire»; the Chalca, the inhabitants of the south-eastern part of the Basin of Mexico, and the Tlaxcaltecas, the residents of the present-day State of Tlaxcala in the eastern part of the Central Plateau. This approach permits conducting a comparative analysis of the narratives of ethnic groups that have common origin but different identity and cultural traditions, as well as to detect basic elements concerning Nahua migrations to Central Mexico, their relations with the autochthonous population and the foundation of their proper states and dynasties in the Late Postclassic Period, that is in the 13–16th centuries. The aim of this article is the analysis of the ethnogenesis myths of the Aztecs, the Chalca and the Tlaxcaltecas as an ethnopolitical source, which allows to reconstruct the early stage of their history, the main sociopolitical institutions, their ethnic identity and notions about power and forms of its legitimization before the Spanish Conquest.

Key words: ethnogenesis myths, mythological motifs, Nahuas of Central Mexico, migration and politogenesis in Pre-Columbian Mesoamerica

For citation: Kalyuta A.V. (2025) The Ethnogenesis Myths of the Nahuas of the Basin of Mexico and Tlaxcala as Ethnopolitical Sources, *Iberoamerican Papers*, no. 3, pp. 183–207. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-3-183-207

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

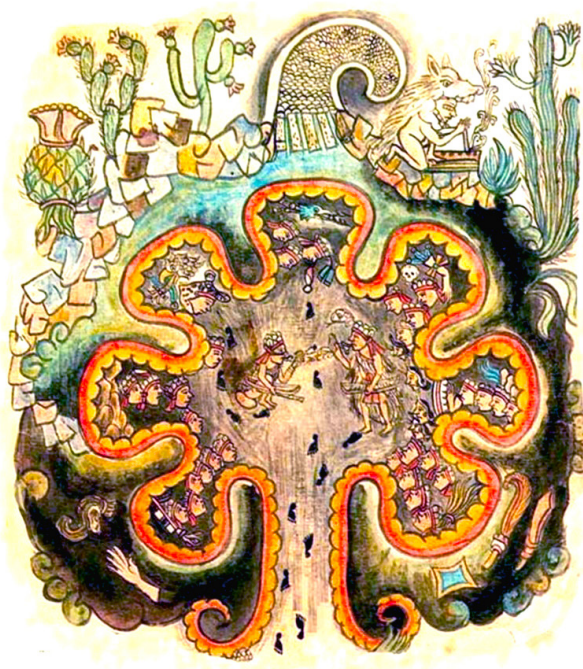
Науа являются одной из крупнейших индейских этнических общностей историко-культурной области Мезоамерика, представляющей собой изолированный от Старого Света очаг происхождения и развития ранних государств. В настоящее время они населяют, главным образом, горные области Центрального плоскогорья и юга Западной и Восточной Сьерры-Мадре в Мексике. Отдельные, ныне весьма немногочисленные группы науа живут в странах Центральной Америки: Сальвадоре, Никарагуа, Коста-Рике и Гондурасе. Основным критерием для выделения науа как единой этнолингвистической общности является языковой. Все ее представители говорят на науаских (астекских) языках, составляющих отдельную ветвь юто-астекской языковой семьи.

В настоящей работе рассматриваются этногонические мифы и предания науа Центральной Мексики, прежде всего долины Мехико накануне испанского завоевания. Это астеки или мешика, одни из создателей конфедерации Тройственный Союз, часто и ошибочно именуемой «астекской империей», а также значительно менее изученные мифы чальков, жителей юго-восточной части долины Мехико, и тлашкальтеков, обитателей современного штата Тласкала в восточной части Центрального плоскогорья, основных союзников испанских конкистадоров. Такой подход к материалу позволяет осуществить сравнительный анализ нарративов этнически близких, но при этом разных по своему самосознанию и культурным традициям групп, и выделить в них основные элементы, касающиеся миграций науа в Центральную Мексику, их отношений с автохтонным населением и основания их собственных государств и правящих династий.

Целью данной статьи является анализ этногонических мифов астеков, чальков и тлашкальтеков как этнополитического источника, позволяющего реконструировать ранние этапы их истории, основные общественно-политические институты, а также их этническое самосознание и представления о власти и формах ее легитимации до испанского завоевания.

В начале нашего исследования необходимо отметить, что все этногонические мифы науа Центральной Мексики записаны уже после испанского завоевания в период с 1530-х по 1610-е гг. В некоторых из этих текстов, например, в сообщениях хрониста из Чалько Доминго Франсиско де Сан Антона Муньона Куаухтлеуаницина, есть эпизоды, заимствованные из Библии, в частности, Сотворение мира в течение шести дней и затем — первых людей Адама и Евы, восстание ангелов против Бога, рождение и распятие Иисуса Христа [Chimalpáhin, 1998: 39, 41, 49, 51, 59, 63]. Тем не менее все этногонические мифы науа объединяют общие мотивы доиспанского происхождения, имеющиеся также в мифологии других коренных народов Мезоамерики. Первый мотив — это общая прародина, наделенная атмосферой таинственности и целым рядом знаковых для традиционного мышления народов Мезоамерики атрибутов, что отражается

в ее наименованиях. У науа Центральной Мексики прародина чаще всего называется Чикомосток, т.е. «семь пещер», а также Кинеуайян — «место чар» и Цоцомпан — «место игры на барабанах», поскольку барабан считался магическим инструментом [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34–35; Alvarado Tezozomoc, 2001: 53; Chimalpáhin, 2001: 84, 86, 92]. Стоит отметить, что у коренных народов Мезоамерики число 7 было сакральным и ассоциировалось именно с прародиной, местом обретения собственного языка, этнической идентичности и богов-покровителей. Так, в эпосе майя-киче Гватемалы «Пополь-Вух» место обретения богов-покровителей различными племенами киче именуется Вукуб-Пек («семь пещер») и Вукуб-Сиван («семь ущелий») [Кинжалов, 1993: 86–87, 184, 208]. В «Тольтекско-чичимекской истории», письменном памятнике середины XVI в., созданном в городке Куаухтинчан в долине Пуэбла, Чикомосток изображен как пещера, напоминающая своей формой гигантскую матку и разделенная на семь пещер меньшего размера, в каждой из которых находятся предки семи общин *кальпулли*, составлявших город-государство¹ Куаухтинчан к моменту испанского завоевания [Leibsohn, 2009: 45–46]. В текстах мифов и преданий науа Центральной Мексики, записанных в первой половине XVI – начале XVII в., прародина также именуется как «Место имеющих [божественных] предков», «Место змеиной горы», «Место перехода», «Место, где деревья стоят прямо», «Место тростников», «Место в пасти змеи», «Место девяти»².

*Пещера Чикомосток.
Тольтекско-чичимекская история*

¹ Под городом-государством в настоящей статье понимается структура, состоящая из нескольких территориальных общин, объединенных в результате синойкизма (буквально «сселения вместе») в одну крупную общину-государство. Город-государство включал в свой состав главное поселение, где находились органы управления государства, главные храмы и центральный рынок. Более подробно о городах-государствах науа Центральной Мексики накануне испанского завоевания см. работы Э. Калнека, М. Ходж, В. Сандерса и Д. Уэбстера [Calnek, 1978; Hodge, 1984; Sanders, Webster, 1988]. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Девять является сакральным числом для всех коренных народов Мезоамерики.

Вторым чрезвычайно распространенным мотивом является обретение новой родины в результате воли бога-патрона племени, который ведет его к новой родине с помощью жрецов, передающих его повеления, и посылает племени знамения, являющиеся руководством к наиболее важным поворотным в его истории действиям, например, основанию поселения.

Наконец, третьим, также весьма распространенным мотивом в этногонических мифах науа являются интенсивные контакты с коренными жителями на новой родине, имеющие по большей части насильственный характер. Это по преимуществу военные столкновения, и они часто заканчиваются изгнанием, порабощением и даже полным истреблением автохтонов. Тем не менее в некоторых вариантах этногонических мифов науа эти контакты являются вполне мирными. Предводители мигрантов заключают браки с женщинами из местных правящих династий. Кроме того, автохтоны часто описываются как народы, находящиеся на более высоком уровне культурного развития по сравнению с мигрантами, предками науа, которые постепенно начинают усваивать все их достижения и менять свой прежний образ жизни. Общий вектор развития действия в этногонических мифах науа — это переход от бродячего образа жизни к оседлости, от присваивающего хозяйства, основанного на охоте и собирательстве, к производящему, базисом которого является земледелие, и от жизни в пещерах и временных соломенных хижинах к жизни в городах, управляемых сакральными правителями. Завершением странствий в поисках новой родины является основание нового города-государства (*альтепетль*) со своей четко очерченной территорией и аппаратом управления из числа знати, потомков вождей времен миграций.

Этногонические мифы астеков (мешика)

Мы начнем рассмотрение этногонических мифов науа Центральной Мексики с астеков как гегемонов Тройственного союза к моменту испанского завоевания. Согласно атекской версии, первым народом, прибывшим в Мексику, были тольтеки, которые пересекли море и сначала обосновались в поселении Толланцинко (дословно «в месте малых тростников»), где они воздвигли каменный храм. Затем они переселились на берег реки Шикокотитлан, где основали свою столицу Толлан — «место тростников», украсив ее многочисленными величественными зданиями [Sahagún, 1981: 3, f.146v]. В археологической литературе уже несколько веков идет дискуссия, не является ли мифический Толлан, описанный в 10-й книге «Флорентийского кодекса», сравнительно небольшим городом Тулой Шикокотитланом, расположенным в долине одноименной реки (Тулы) в юго-западной части штата Идальго [Gillespie, 2007: 92, 107]. Астеки явно придерживались подобного мнения. Об этом свидетельствуют следы постоянно проводимых археологических раскопок в Туле в XV – начале XVI в., платформы и алтари, сооруженные астеками рядом с наиболее важными зданиями,

и специально доставленные из Тулы в Теночтитлан памятники монументальной скульптуры, а также здания и скульптуры в «неотольтекском стиле» в атекской столице [López Luján, Anda Rogel, 2017: 19, 29–30, 44]. Тем не менее название города Толлан («место тростников» в переводе с науатля) связано не столько с конкретным поселением, сколько с архетипом прародины в традиционном мировоззрении народов Мезоамерики [Kristan-Graham, Kowalsky, 2011: 9]. Во «Флорентийском кодексе» Толлан описан как идеальный город, изобилующий всеми видами богатств, центр ремесел, наук, религиозных обрядов и сакральной власти правителей [Sahagún, 1981: 3, 10v]. По словам информаторов Саагуна, тольтеки были не только строителями великолепных дворцов, но и знатоками горного дела, умевшими добывать из-под земли драгоценные металлы и камни [Sahagún, 1980: 2, f. 116r]. Они знали множество целебных трав. Именно в Толлане обитали боги-изобретатели гадательного 260-дневного цикла *тональпоуалли* Ошомоко, Сипактональ, Тлатетекуи, Шочинауака, которые являются еще и изобретателями искусства врачевания. Кроме того, тольтеки были прекрасными астрономами, составившими точный календарь и следившими за движением небесных светил [Sahagún, 1980: 2, f. 117v]. Они не приносили человеческих жертв и не вели войн [Sahagún, 1979: 1, f. 118r], однако процветание тольтеков длилось лишь пока ими правил бог и культурный герой Кецалькоатль. Однажды в Толлан явился брат и вечный соперник Кецалькоатля Тескатлипока, который изменил свой облик, превратившись в дряхлого старика [Sahagún, 1979: 1, f. 111r]. Когда ему донесли, что Кецалькоатль болен, Тескатлипока проник в его дворец и под предлогом лечения напоил Кецалькоатля допьяна алкогольным напитком *октли* из сока агавы [Sahagún, 1979: 1, 11v–12r]. Захмелевший Кецалькоатль велел позвать свою старшую сестру Кецальпетлатль, которая в тот момент совершала обряды покаяния, и заставил ее также выпить пульке, спеть и лечь рядом [Bierhorst, 2011: 11]. Когда на следующий день он проснулся и протрезвел, то осознал, что нарушил предписанные ему как правителю-жрецу правила трезвости и целомудрия. Устыдившись своего поведения, Кецалькоатль навсегда покинул Толлан и удалился на восток. На берегу Мексиканского залива Кецалькоатль разжег костер и бросился в него, его тело сгорело, а сердце вознеслось на небо и превратилось в планету Венера (Утреннюю Звезду) [Bierhorst, 1992: 36].

Большинство оставшихся в Толлане тольтеков погибло в результате землетрясения, засухи и морового поветрия, которые последовательно наслал на них Тескатлипока [Bierhorst, 1992: 36, 41–42; Sahagún, 1979: 1, 16v–17v]. Лишь малая часть их нашла себе прибежище в городе Кулуакан на юго-востоке долины Мехико [Bierhorst, 1992: 42, 43]. Поскольку именно в тольтеках науа кануна испанского завоевания видели не просто первых обитателей Центральной Мексики, но и родоначальников и создателей всех основных достижений их собственной цивилизации и основателей института власти

наследственных правителей, то они старались тем или иным способом связать с тольтеками свое происхождение или по крайней мере происхождение своих вождей и правителей. Поэтому в этногонических мифах науа именно тольтекам отводится роль мирных автохтонов, добровольно передающих пришельцам свой богатый культурный опыт и легитимирующих с помощью брачных союзов с вождями мигрантов их право на власть над всем окружающим миром.

В отличие от других групп науа, прародиной которых в письменных источниках является Чикомосток, история астеков начинается в Астлане. Это название дословно означает «место белых цапель». Белый цвет в этом случае маркирует извечность существования данного локуса вне времени и пространства. Наиболее известное изображение Астлана имеется на первой странице «Кодекса Ботурини», в котором он изображен как остров посреди озера с храмом в центре. Крышу храма пронзает тростниковая стрела, этот знак по правилам словесно-слогового письма науа читается как Амимитль, т.е. «водяная стрела». Согласно «Истории мексиканцев по их рисункам», Амимитль — это жезл бога облаков Мишкоатля, которого одно из семи «племен» науа куитлауака считало своим божеством [García Icazbalceta, 1891: 239]. У подножия храма помещены сидящие фигуры женщины по имени Чимальман («Отдыхающий щит») и мужчины, имя которого не указано. По мнению известного французского ученого Патрика Йоханссона, это может быть жрец-имперсонатор Мишкоатля. Примечательно, что храм на рисунке посвящен не Уицилопочтли, а Амимитлю, одному из воплощений Мишкоатля, бога-патрона бродячих охотничьих племен чичимеков и облаков [Johansson Keraudren, 2004: 74]. По обеим сторонам от храма Амимитля расположены схематичные изображения шести общин *кальпулли*. Для науа понятие *кальпулли* всегда связано с единым происхождением, пусть и мифическим, единой территорией, единым названием и единым богом-покровителем.

Тем не менее в мифах астеков имеется явная тенденция к объединению Астлана и Чикомостока. Стоит отметить, что само название Астлан на описанном выше рисунке отсутствует. Зато обозначена дата 1 Кремень (1064 г.), которая в мифах науа символизирует начало новой эпохи. Человек в лодке — это жрец, направляющийся к холму с изгибом Теокулуакану, т.е. «месту [тех, кто] имеет божественных дедов». Подобно Чикомостоку, этот холм имеет пещеру, в которой находится Уицилопочтли,

Астлан. Кодекс Ботурини.
Первая половина XVI в. Лист 1

сообщающий жрецу свою волю. После этого жители Астлана отправляются в путь³. На следующей странице «Кодекса Ботурини» представлено уже не шесть, а восемь *кальпулли*, отправившихся странствовать по приказу Уицилопочтли. Все они следуют за *теомамас*, носителями священных свертков *тлакимилолли*, в которых находятся предметы, олицетворяющие богов-покровителей разных общин.

Внук последнего доиспанского правителя астеков Мотекусомы Шокойоцина Эрнандо Альварадо Тесосомок также отождествляет Астлан и Чикомосток. На первых страницах своего труда «Хроника Мешикайотль» он сообщает, что местом обитания астеков был Астлан, и именно поэтому они назывались астеками [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34]. Однако тут же Тесосомок уточняет, что у него было еще одно название — Чикомосток [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34]. Кроме того, Тесосомок говорит и о том, что в это время астеки назывались мешитин, но сейчас их истинное имя — мешика, причем после основания Теночтитлана на острове в западной части озера Тескоко мешика стали зваться еще и теночками [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34]. Стоит отметить, что астеки — это группа, наиболее часто меняющая самоназвание, причем в каждом случае смена этнонима является исполнением воли Уицилопочтли и отражает новый этап в истории их миграции. Как и в «Кодексе Ботурини», Тесосомок описывает Астлан как остров, окруженный со всех сторон водой, что соответствует общим представлениям науа о земной тверди, окруженной со всех сторон мировым океаном *теоатль* [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34]. Именно на основе такой модели Вселенной астеки построят впоследствии свою столицу Теночтитлан, которой в этой вселенской архитектуре отведено место центра мира.

Еще одним любопытным моментом, постоянно встречающимся в этногонических мифах астеков, является установление родства с неродственными им народами. Если в «Кодексе Ботурини» среди восьми *кальпулли*, покинувших Чикомосток вместе с астеками, указаны матлалцинки, говорящие на неродственном науатлю языке семьи отоманге, то в «Хронике Мешикайотль» у правителя Астлана, носящего знаковое для астеков имя Мотекусомы («сердящийся как владыка»), есть старший сын, правитель уастеков, народа, обитающего по берегам р. Пануко на северо-востоке Мексики и являющегося самым северным представителем языковой семьи майя [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34]. Вторым сыном и правителем астеков-мешитин является Мешик, или Чальчиутлатонак («блистающий жадеит»). Именно вражда между двумя братьями становится причиной исхода астеков из Астлана [Alvarado Tezozomoc, 2012: 34].

³ Codex Boturini o Tira de Perigrinación. URL: <https://mediateca.inah.gob.mx/> (accessed: 25.03.2025).

В то же время, как и в «Кодексе Ботурины», Чикомосток в «Хронике Мешикайотль» выступает как место совершения традиционных жертвоприношений и диалога с Уицилопочтли, который объявляет астекам свою волю: «Друзья! Мы уже пришли сюда, уже вышли из нашего жилища Астлан» [Alvarado Tezozomoc, 2012: 36]. Как и в «Кодексе Ботурины», следующим шагом астеков является проход через Кулуакан, т.е. «место [тех, кто имеет] дедов», где они взяли священную связку *тлакимилолли*, в которой воплощался Уицилопочтли [Alvarado Tezozomoc, 2012: 36].

По версии, изложенной Тесосомоком в «Хронике Мешикайотль», астеки выходят из Чикомостока в составе семи *кальпулли*, но почти сразу же получают от Уицилопочтли знамение — сломанное на привале дерево, означающее, что отныне они должны отделиться от всех остальных и продолжать свой путь в одиночку, как люди, избранные в будущем главенствовать над остальными [Alvarado Tezozomoc, 2012: 38]. Это знамение изображено и в «Кодексе Ботурины».

Сходный мотив имеется и в «Кодексе Рамиреса» (другое название — «Сообщение о происхождении индейцев, которые обитают в этой Новой Испании согласно их истории»). В этом источнике астеки опи-

Сломанное дерево. Кодекс Ботурины. Лист 3

сываются как покинувшие Чикомосток на 302 года позже, чем все остальные племена науа, потому что таков был приказ Уицилопочтли, пообещавшего «сделать их государями и владыками всех провинций, которые заселили другие шесть народов» [Vázquez Chamorro, 2001: 34]. Под этими народами имеются в виду шочимильки, чальки, тепанеки, кулуа, тлауика и тлашкальтеки, также вышедшие из Чикомостока [Vázquez Chamorro, 2001: 29]. Следующей остановкой на пути астеков был Толлан. В Толлане астеки прожили вместе с оставшимися тольтеками 22 года [Alvarado Tezozomoc, 2001: 61]. Возможно, что они восприняли от тольтеков навыки монументального строительства и начатки земледелия. Во всяком случае в «Хронике Мешикайотль» астеки в эпоху миграции, в отличие от других племен науа, описываются как полуседлые земледельцы, сеявшие кукурузу, фасоль, чиа, амарант и томаты везде, где они останавливались хотя бы на один год [Alvarado Tezozomoc, 2012: 42, 44]. В наиболее подходящих для земледелия местах их пребывание могло затянуться на 15–20 лет, причем далеко не все были готовы вновь пуститься в путь после столь длительной передышки. С этим мотивом недовольных, отказавшихся продолжать путь, в преданиях астеков связан и мотив появления новых народов. Так, астеки, решившие насладиться купанием в озере

Пацкуаро на территории штата Мичиокан, были по приказу Уицилопочтли оставлены своими соплеменниками, которым к тому же было велено забрать их одежду [Alvarado Tezozomoc, 2012: 44]. Оставшиеся на берегу озера стали тарасками, народом, язык которого на самом деле является географическим изолятом и никак не связан с науатлем. Этой коварной выходкой астеки объясняли впоследствии свою постоянную вражду с тарасками.

Столь же жестокую шутку астеки по распоряжению Уицилопочтли сыграли с его старшей сестрой Малинальшочитль, оставив ее спящей на привале [Alvarado Tezozomoc, 2012: 44, 46]. В этом случае повторяется широко распространенный в мифологии астеков мотив вражды и соперничества Уицилопочтли с женским божеством, которое обычно описывается как его мать или сестра. О Малинальшочитль в «Хронике Мешикайотль» говорится, что она «не была человеком», но злобной колдуньей, повелительницей пауков и сороконожек, пожиравшей человеческие сердца и наводившей злые чары на людей, заставляя их есть змей и скорпионов [Alvarado Tezozomoc, 2012: 44]. Оставленная на привале Малинальшочитль обосновалась в Малиналько, в западной части современного штата Мехико, где родила от местного вождя сына Копиля, которому предстоит сыграть важную роль в мифе об основании Теночтитлана [Alvarado Tezozomoc, 2012: 46].

Далее в «Хронике Мешикайотль» излагается миф о рождении Уицилопочтли на холме Коатепек и его борьбе с богиней Млечного Пути Койольшауки и ее братьями Сенцон Уицнауа, звездами южной части неба, подробно описанный во «Флорентийском кодексе» францисканца Бернардино де Саагуна, но в этом случае акцент смещен на попытку основания нового Астлана. Сначала астеки воздвигают на холме Коатепек храм и *куаухшикалли*, т.е. «алтарь для человеческих жертвоприношений», площадку для игры в мяч, *цомпантли* — платформу для хранения черепов принесенных в жертву людей и плотину, которая перекрывает реку и создает искусственное озеро [Alvarado Tezozomoc, 2012: 48]. Сенцон Уицнауа просят Уицилопочтли основать город в этом месте, которому уже приданы все основные признаки нового Астлана. Тем не менее Уицилопочтли приходит в ярость, надевает боевые доспехи и вступает в сражение с Койольшауки, которая, в отличие от варианта «Флорентийского кодекса», именуется матерью, а не сестрой Уицилопочтли⁴ [Alvarado Tezozomoc, 2012: 50]. Сражение между Уицилопочтли, Койольшауки и Сенцон Уицнауауа происходит ночью, и с рассветом астеки обнаруживают противников Уицилопочтли мертвыми на площадке для игры в мяч, с рассеченными ребрами, поскольку Уицилопочтли съел их сердца и тем самым вобрал в себя их «души» *тейолиа* [Alvarado Tezozomoc, 2012: 50]. Затем Уицилопочтли разрушает дамбу, с помощью которой было создано искусственное озеро, и астеки продолжают путь.

⁴ В версии «Флорентийского кодекса» матерью Уицилопочтли является старая вдова, богиня земли Коатликуэ, которая зачала его от спустившегося с неба клубка перьев.

Добравшись до долины Мехико, астеки сделали вторую попытку создать постоянное поселение на холме Чапультепек, где провели свой первый в долине Мехико ритуал связки лет *шиухмолпилли*, который знаменовал конец 52-летнего сакрального цикла. Тем временем подросток Копиль решил отомстить своему дяде Уицилопочтли за оскорбление матери и отправился в долину Мехико [Vázquez Chamorro, 2001: 40]. В месте под названием Тепецинко Уицилопочтли взял Копиля в плен, убил, обезглавил и вырвал его сердце [Alvarado Tezozomoc, 2012: 56]. Затем Уицилопочтли приказал жрецу Куаухкоатлю бросить сердце Копиля в озеро Тескоко [Alvarado Tezozomoc, 2012: 56; Vázquez Chamorro, 2001: 41].

Попытка астеков закрепиться на холме Чапультепек не увенчалась успехом, так как все остальные жители долины Мехико — чальки, тепанеки, кулуа и шочимильки — сразу объединились против незваных пришельцев, осадили Чапультепек, взяли в плен первого правителя астеков Уициуитля Старшего и тут же принесли его в жертву [Alvarado Tezozomoc, 2012: 58, 60]. Тогда астеки упростили правителя Кулуакана Кошкоша разрешить им поселиться в окрестностях Кулуакана. Кошкош, желавший как можно быстрее избавиться от непрошенных гостей, велел им поселиться на склоне холма Тисаапан, изобиловавшего ядовитыми змеями, в надежде, что эти опасные рептилии быстро съедят астеков [Alvarado Tezozomoc, 2012: 62; Vázquez Chamorro, 2001: 42–43]. Однако, вопреки его ожиданиям, сильно изголодавшиеся во время скитаний астеки немедленно изловили и съели всех змей в жареном или печеном виде в качестве сытного ужина [Vázquez Chamorro, 2001: 43]. Кошкошу осталось только примириться с присутствием астеков в его владениях. Согласно «Кодексу Ботурины», астеки стали служить в войске Кошкоша в качестве наемников. На военной службе у Кошкоша они проявили не только невиданную доблесть, но и крайнюю свирепость, сразу выделившую их среди всех жителей долины Мехико. Так, во время войны Кулуакана с шочимильками, в которой астеки принимали активное участие и захватили 200 пленных, они немедленно отрезали у каждого из них по уху и доставили Кошкошу целый мешок этих боевых трофеев⁵. В это же время астеки начали заключать браки с женщинами кулуа [Vázquez Chamorro, 2001: 43].

Мирное сосуществование астеков и кулуа продлилось 25 лет и завершилось новым военным конфликтом, в результате которого астеки были изгнаны из Кулуакана. Произошло следующее: Уицилопочтли заявил своим служителям, что появится его бабка Йаосиуатль (буквально «женщина войны»), и с этой целью велел попросить у нового правителя Кулуакана Ачитометля его дочь, чтобы она жила с ними в Тисаапане [Alvarado Tezozomoc, 2012: 64]. Ачитометль согласился. Ацтеки увели женщину в Тисаапан, где немедленно

⁵ Codex Boturini o Tira de Perigrinación. URL: <https://mediateca.inah.gob.mx/> (accessed: 25.03.2025).

принесли в жертву, содрали с нее кожу и надели на жреца — имперсонатора новой богини Йаосиуатль [Alvarado Tezozomoc, 2012: 66]. Затем астеки пригласили Ачитометля воздать почести новому божеству, но увиденное столь шокировало его, что он начал войну с астеками, которые вынуждены были бежать в тростниковые топи озера Тескоко [Alvarado Tezozomoc, 2012: 68]. В данном случае опять повторяются мотивы противостояния женского и мужского начал, военных действий и человеческого жертвоприношения как необходимых актов для создания нового поселения, а накануне прихода испанцев в Теночтитлане этот эпизод ежегодно воспроизводился в качестве ритуала явления богини Тоси («нашей бабушки») в 11-й «месяц» атекского 365-дневного цикла Очпаництли.

После блужданий по берегам озера Тескоко атекские жрецы Ашолуа и Куаухкоатль наконец нашли подходящее место для города. Сначала они увидели белую воду, белые деревья, белые тростники, белых рыб, белых змей и белых лягушек. Здесь же находились две скалы с двумя пещерами. Первая скала была обращена к востоку и наполнена «пылающей водой» [Alvarado Tezozomoc, 2012: 72]. Напомним, что восток у науа как место восхода солнца ассоциировался с алым цветом. Вторая скала и пещера были обращены к северу, где, по представлениям науа, находилась область мертвых Миктлан и внутри пещеры смешивались синяя и желтая воды, ассоциировавшиеся с южной и западной сторонами света [Alvarado Tezozomoc, 2012: 72]. Место, откуда вытекали воды, ассоциировавшиеся с четырьмя сторонами света, могло быть только центром мира, подобающим для основания города, призванного господствовать над всеми остальными. Но Уицилопочтли сказал жрецам, что они должны найти главный знак — кактус опунцию, выросший из брошенного в озеро Тескоко сердца Копиля, на котором будет сидеть орел, пожирающий пищу и греющийся на солнце. Жрец повиновался Уицилопочтли, собрал астеков, и они вместе вернулись к скале и пещере, где смешивались разноцветные воды. Действительно, на этом месте они увидели поднимающийся из воды кактус опунцию, на котором сидел орел, пожиривший свою добычу. Его гнездо было усыпано перьями тропических птиц (кецаля, розовой колпицы и трогона), а почва у кактуса — их головами

Основание Теночтитлана. Кодекс Дурана. Лист 20

и костями. Увидев астеков, орел склонился перед ними, но они не посмели приблизиться к нему и смотрели на него издалека. Тогда же таинственный голос произнес: «Мешика, это должно быть здесь!» [Alvarado Tezozomoc, 2012: 74].

Символизм этой сцены был настолько понятен каждому носителю устной исторической традиции астеков, что Тесосомок даже не стал объяснять читателям, почему это видение стало главным аргументом для основания города на островке посреди озера Тескоко. Орел у науа был олицетворением и солнца, и победоносной войны, а для астеков он являлся еще и одним из нагуалей (двойников) Уицилопочтли. Перья тропических птиц, ценившиеся у науа не меньше, чем золото и драгоценные камни, раскиданные в гнезде орла, равно как и их останки, знаменовали грядущее покорение астеками богатых тропических областей, где эти птицы встречались в изобилии. Наконец, своим наклоном гордый хищник приветствовал будущих властителей мира, с таким трудом нашедших новую родину. Согласно Хронике Мешикайотль, это событие произошло в год 2 Дом (1325 г.) [Alvarado Tezozomoc, 2012: 76]. Новый город получил название Теночтитлан — место кактуса опунции на скале. Ныне орел, сидящий на кактусе со змеей в клюве, изображен на гербе и национальном знамени Мексики.

На новом месте астеки сразу же построили скромный храм Уицилопочтли. Тогда же город был разделен на четыре части, ассоциировавшиеся со сторонами света: Мойотлан, Теопан, Ацакуалько и Куэпопопан, причем это деление сохранилось и после испанского завоевания. Каждая из четырех частей в свою очередь была поделена на шестнадцать *кальпулли*, немедленно распределивших между собой богов [Alvarado Tezozomoc, 2012: 80]. Однако по прошествии тринадцати лет между астеками возникли разногласия, и недовольные переселились на соседний островок, отделенный с севера от основного острова нешироким каналом, где основали собственный город Шальтелолько («в куче песка»), который позднее получил название Тлателолько («в месте для сжигания тел»), потому что там кремировали тела умерших [Alvarado Tezozomoc, 2012: 82]. В первой четверти XIV в. оба островка в западной части озера Тескоко принадлежали «державе тепанеков» со столицей в Аскапоцалько. Тем не менее жители Теночтитлана выбрали своего первого правителя Акамапичтли из числа людей, родившихся в смешанных браках, заключенных, когда они еще жили в Кулуакане. Отцом Акамапичтли был атекский воин Опочтли, а матерью — Иланкуэитль, дочь правителя Кулуакана [Alvarado Tezozomoc, 2012: 84, 86]. Благодаря этому брачному союзу все правители Теночтитлана возводили свой род к правящей династии Кулуакана и носили титул *кулуатекутли*, т.е. «владыка кулуа». Весьма примечательно, что во Втором письме-донесении Карлу V Кортес называет всю территорию, подконтрольную Тройственному союзу, «богатой провинцией Кулуа» [Cortés, 2007: 101].

В отличие от своих сородичей, жители Тлателолько предпочли избрать своим первым правителем Куауапицауака, сына правителя Аскапоцалько Тесосомока. Его потомки правили в Тлателолько вплоть до 1473 г., когда в результате ожесточенного военного конфликта Теночтитлан покорил Тлателолько и сделал его своим данником [Alvarado Tezozomoc, 2012: 110].

Этногонические мифы чальков

Этногонические мифы чальков, создателей мощной конфедерации городов-государств в юго-восточной части долины Мехико у подножия вулканов Попокатепетль и Истаксиуатль, дошли до нас благодаря пространным сообщениям уроженца этого района Доминго Франсиско Чимальпаина, жившего в первой половине XVII в. Прародиной чальков хронист называет Чикомосток, который в его изложении обладает всеми признаками пещеры — материнского чрева и места вне времени и пространства, откуда разные народы и племена выходят уже наделенные собственными языками и собственными предводителями [Chimalpáhin, 1998: 84, 86, 90, 92, 106].

Первыми обитателями района Чалько были ольмеки и шикаланки, которые пришли в долину с севера по приказу своего бога в поисках Тамоанчана⁶ [Chimalpáhin, 1998: 136]. Подобно другим вариантам мифов науа об автохтонах, ольмеки и шикаланки описываются Чимальпаином как люди рослые, очень умные и хитрые, способные превращаться в различных животных и летать по воздуху. Чимальпаин добавляет, что они были людоедами, съедавшими одиноких путников, и потому его предки никогда не осмеливались путешествовать в одиночку в тех местах, где жили ольмеки и шикаланки. В поисках Тамоанчана ольмеки и шикаланки добрались до подножия вулканов Попокатепетль и Истаксиуатль, где увидели небольшой холм, на вершине которого был источник воды. Ольмеки и шикаланки решили, что это и есть Тамоанчан, и воздвигли храм богине источника, которую называли Чальчиуматлалатль («жадеитовая и голубая вода») [Chimalpáhin, 1998: 138]. Храм они построили таким образом, что источник находился внутри него. Холму ольмеки и шикаланки дали название Чальчиумомостли, т.е. «драгоценная», буквально «жадеитовая насыпь», поскольку жадеит у народов Мезоамерики ценился выше золота.

Первыми из чальков, кто пришел на берега южных озер долины Мехико, были акшотеки. Согласно Чимальпаину, они были также первыми, кто стал называть себя чальками [Chimalpáhin, 1998: 116]. Чимальпаин связывает этимологию этнонима «чальки» и географической области Чалько с водой.

⁶ Тамоанчан (этимология неясна, во Флорентийском кодексе переводится как «мы спускаемся в наш дом»; возможно, слово было заимствовано из одного из майяских языков, вероятно, уастекского, и первоначально означало «место облачного неба») — легендарная область у Мексиканского залива, где были сотворены люди последней из космических эр. В мифах науа описывается как обитель плодородия и изобилия.

Согласно одной из приводимых им версий, акшотека взяли себе это название в честь храма богини воды Чальчауитликуэ, который тольтеки построили в том месте долины Мехико, куда они поначалу пришли [Chimalpáhin, 1998: 116–117, 122]. По другой версии, тоже изложенной Чимальпаином, Чальчауитликуэ — это метафорическое обозначение большого пресного озера, входившего в систему из пяти соленых и пресных озер в долине Мехико, и этноним чальки означает «жители озерных берегов» [Chimalpáhin, 1998: 116, 122]. Вслед за акшотеками так стали называть себя все остальные мигранты, обосновавшиеся на юго-востоке долины Мехико [Chimalpáhin, 1998: 116].

Как и другие группы науа, акшотеки на пути в долину Мехико прошли через Толлан. Любопытно, что Чимальпаин говорит об акшотеках как о единственной группе чальков, у которых первый вождь появился не при выходе из Чикомостока, а во время их пребывания в Толлане [Chimalpáhin, 1998: 114]. В Толлане акшотеки обрели и своего бога-патрона Аколлакатля Наутекутли («владыку четырех сторон у изгиба реки»), который, подобно Уицилопочтли, постоянно «говорил» с ними. Из Толлана акшотеки заимствовали и такие элементы цивилизации, как рынок и тюрьма, точнее, деревянная клетка *куаухкалли*, в которой держали преступников перед казнью [Chimalpáhin, 1998: 116].

Ближайшими соседями акшотеков в долине Мехико стали теотенанки, звавшиеся при исходе из Чикомостока эслапиктин и делившиеся на шесть *кальпулли*. По словам Чимальпаина, они покинули Чикомосток около 1159 г., первоначально говорили на каком-то ином языке и перешли на науатль только после прихода в долину Мехико [Chimalpáhin, 1998: 106.]. Их богом-покровителем был Науйотль Шипиль — «бирюзовый принц четырех сторон», воплощавшийся в священном свертке *тлакимилолли*, украшенном золотом, жадеитом, бирюзой, кораллами и перьями тропических птиц [Chimalpáhin, 1998: 108]. Поначалу теотенанки остановились в Теотенанко Куишкоке Темимилолько близ Толлана, где воздвигли своему богу прекрасный храм из жадеита, кораллов, алого хрусталя с зеркалами из бирюзы. Стена, окружавшая его двор, была тоже сделана из бирюзы с воротами по четырем сторонам света [Chimalpáhin, 1998: 108]. По этой причине и само место получило название Теотенанко — «в месте божественных стен». Тогда его гордые строители стали называться теотенанками [Chimalpáhin, 1998: 108]. Но правитель Толлана Кецалькоатль позавидовал Науйотлю, имевшему столь прекрасный храм, и много раз пытался завоевать теотенанков. Но из-за их стойкости он ничего не добился и удалился навсегда на восток «в область дыма и алого цвета» [Chimalpáhin, 1998: 108]. Так что в традиции чальков их предки не только превзошли тольтеков в мастерстве строительства, но и сумели дать отпор самому Кецалькоатлю.

В год Три Дом (1209 г.) теотенанки добрались до долины Мехико, где попытались захватить часть земель в районе города Куитлауак, расположенного в плодородной зоне чинамп⁷, на юго-востоке, однако вскоре отступили в Тисапан в районе озера Шочимилько, где шесть раз совершили ритуал «связки лет», поскольку тогда у них было принято отмечать завершение даже четырехлетнего цикла разжиганием нового огня [Chimalpáhin, 1998: 106, 108, 110]. Их отношения с акшотеками складывались непросто. Поначалу теотенанки даже убили стрелой посланца акшотеков [Chimalpáhin, 1998: 124]. Тем не менее позднее, в том же году Девять Дом (1241 г.), теотенанки заключили союз с акшотеками и разместили священный сверток, в котором воплощался их бог Науйотль Шипиль, на вершине храма акшотеков, что обычно означает достижение равного статуса с первопоселенцами [Chimalpáhin, 1998: 126].

Третьей группой чальков, покинувшей Чикомосток, были истлакосауке, впоследствии сменившие название на амекамека [Chimalpáhin, 1998: 100]. Произошло это в год Шесть Кремень (1160 г.), и среди мест, через которые они прошли на своем пути в долину Мехико, был и Астлан. Согласно Чимальпаину, истлакосауке провели в Астлане без малого 1110 лет, правда, тогда, когда астеки его уже покинули [Chimalpáhin, 1998: 100]. Поначалу они также говорили не на науатле, а на каком-то своем особом языке. Их богом-патроном, выполнявшим по отношению к ним ту же роль советчика и проводника, что и Уицилопочтли по отношению к астекам, был Тототлин («птица»), являвшийся им в облике большого орла [Chimalpáhin, 1998: 102]. Долины Мехико они достигли только в год 9 Дом (1241 г.). В год Четыре Кролик (1262 г.) амекамека основали город Амакемекан [Chimalpáhin, 1998: 146]. Основные элементы предания о его основании (обретение места для города в результате длительных поисков, серия чудесных знамений и жертвоприношение перед основанием) поразительно напоминают изложенный выше и куда более известный сюжет об основании Теночтитлана. В результате длительных блужданий по долине Мехико амекамека набрали на холм Чальчиумомостли, где бил чудесный источник. Сначала они соорудили у его подножия скромный храм-хижину из соломы в честь своего бога Тототлина, затем поднялись на холм, с которого обратились к нему с молитвами [Chimalpáhin, 1998: 146]. Бог сразу же дал ответ вождю амекамека Атональцину Чичимекатекутли, что через пять дней Тототлин будет есть и пить на этом холме. Амекамека сначала никак не могли понять значение его слов, но в течение пяти дней их стрелы во время охоты чудесным образом

⁷ Чинампы (буквально «на огороженном переплетенными тростниками месте») — длинные и узкие грядки и платформы размерами от 2 до 4 м в ширину и от 20 до 40 м в длину, сооружавшиеся посредством чередующихся слоев земли, дерна, ила и перегнивших растений, окруженные водой, на которых науа долины Мехико выращивали все основные сельскохозяйственные культуры: кукурузу, фасоль, тыквенные и пасленовые.

ни разу не пролетели мимо цели, принося им щедрую добычу [Chimalpáhin, 1998: 146]. На пятый день Атональцин Чичимекатекутли пустил стрелу, которая не попала в цель, но, упав на землю, немедленно превратилась в красного ягуара. Тогда амекамека решили, что это и есть пища для бога Тотолина во время его будущей трапезы на холме, т.е. необходимая для основания поселения жертва. Они отнесли ягуара на вершину холма, где соорудили навес из соломы и, поместив под ним жертву, начали исполнять ритуальные песнопения на своем древнем языке, обращаясь к богу Тотолину [Chimalpáhin, 1998: 146, 148]. В ответ с неба раздался звук, похожий на треск пылающего дерева, и на вершину холма спустился белый орел, который сел на ягуара и сожрал его. Тогда амекамека поняли, что их жертва принята, а молитвы услышаны. Они немедленно разметили границы земель возле холма, дарованных им богом Тотолином, и дали всем заметным местам новые названия [Chimalpáhin, 1998: 148]. Затем вновь они поднялись на вершину холма, где увидели скалу с рисунками, изображавшими одежду из фикусовой бумаги *amate*. Поэтому они переименовали холм в Амакемекан — «место одежды из бумаги» и основали свой город, ставший самым могущественным из всех городов конфедерации чальков [Chimalpáhin, 1998: 148, 150].

Этногонические мифы тлашкальтеков

От групп науа, живших за пределами долины Мехико, на территории Центрального плоскогорья до нас дошли в основном этногонические мифы тлашкальтеков, создателей сильного государства на территории современного штата Тласкала и основных союзников Эрнана Кортеса во время его кампании против Тройственного союза в 1519–1521 гг. Основным источником в данном случае является «История Тлашкалы» метиса Диего Муньоса Камарго, законченная около 1585 г. Хроника Камарго охватывает историю всей «провинции Тлашкалы» вплоть до испанского завоевания с подробным описанием событий в четырех основных центрах «провинции»: Тепетикпаке, Окотелулько, Тисатлане и Киуистлане, а также повседневного быта и обычаев тлашкальтеков. Она написана латиницей на испанском языке, человеком, который испытал уже сильное влияние испанской культуры, и потому в «Истории Тлашкалы» имеется значительная путаница и в хронологии событий по традиционному календарю науа, и в транскрипции этнонимов, топонимов и личных имен на языке науатль.

Как и науа долины Мехико, тлашкальтеки считали себя сравнительно недавними пришельцами на территории Центрального плоскогорья. Первыми жителями Тлашкалы, согласно их преданиям, были все те же таинственные народы ольмеков и шикаланков. Поначалу ольмеки и шикаланки обосновались в долине Мехико, а затем, пройдя через Шочимилько, Атлишко и Уэшоцинко, добрались и до Тлашкалы [Muñoz Camargo, 1966: 20]. Они основали свой главный город на реке у подножия Сьерры-Невады, где построили множество колоссальных по размерам зданий и неприступных

крепостей. Ольмеки и шикаланки жили в мире и согласии, но примерно за 300 лет до испанского завоевания в Тлашкалу пришли многочисленные воинственные племена чичимеков. Их прародиной также был Чикомосток [Muñoz Camargo, 1966: 24]. В отличие от других хронистов, Камарго утверждает, что ольмеки, шикаланки и чичимеки были родственны и говорили на одном языке науатль, хотя куда более грубом, чем в долине Мехико [Muñoz Camargo, 1966: 25]. Главным богом, которого чтили чичимеки, был бог охоты Камаштли, который «говорил» с ними через жрецов-посредников, предсказывая им будущее и отдавая приказы о том, что они должны предпринять [Muñoz Camargo, 1966: 31]. По преданию, которое приводит Камарго, чичимеки сначала пересекли морской пролив, затем прибыли в Чикомосток [Muñoz Camargo, 1966: 5]. Поводом для миграции чичимеков стали поиски новых земель. Однако на пути в долину Мехико они убедились в том, что все земли уже заняты их «родичами», прибывшими ранее. Чичимеки попытались закрепиться на северо-востоке долины Мехико, где сначала были хорошо приняты местными жителями, которые в хронике Камарго именуются «аколуа-тескоканцы, кулуа и тепанеки» [Muñoz Camargo, 1966: 26]. Новые мигранты получили от них разрешение поселиться на равнинах между озером Тескоко и городом Чимальуакан у подножия Сьерры-де-Тескоко, в местности, позднее известной как Пойяутлан («место мрака»). Здесь в год Два Кремень (1208 г.) новые пришельцы основали свое поселение Коуатличан («жилище змеи») [Muñoz Camargo, 1966: 27]. Постепенно отношения пришельцев с местными жителями испортились из-за взаимного недоверия. К тому же чичимеки оказались могущественными колдунами, способными причинить своими чарами большой вред. Поэтому в год Один Кремень (1350 г.) кулуа, аколуа и тепанеки вместе собрали большое войско, с которым явились на равнины Пойяутлана, чтобы уничтожить нежеланных пришельцев [Muñoz Camargo, 1966: 32–33]. Битва была столь ожесточенной, что вода озера Тескоко покраснела от крови. Чичимеки потерпели поражение и решили идти дальше на восток в поисках свободных земель, тем более что так повелел им Камаштли. Бог пообещал чичимекам привести их «в страну у берега моря, где восходит солнце», где они найдут гораздо больше жизненного пространства для себя [Muñoz Camargo, 1966: 34]. Обрадованные решением чичимеков, местные жители даже предоставили им проводников для переходов через горные перевалы Сьерры-де-Тескоко, которые показали им обширные пространства на востоке. В год Два Дом (примерно 1352 г.) чичимеки, предки науа восточной части Центрального плоскогорья, покинули долину Мехико и двинулись в сторону «провинций» Тлашкаллан, Уэшоцинко, Чололлан, Куаухкечоллан, на территории современных штатов Пуэбла и Тласкала [Muñoz Camargo, 1966: 36–37, 49–50, 53]. Перейдя в восточную часть Центрального плоскогорья, в местечке Телтийакак близ Уэшоцинко они разделились. Часть чичимеков под предводительством Кецальшиухтли заселили «провинции» Куаухкечоллан,

Токецальтекутли и Йауальтепек [Muñoz Camargo, 1966: 50]. Другие обосновались в местах, ранее занятых ольмеками и шикаланками, отступившими к побережью Мексиканского залива. В этой области от них отделился вождь по имени Ишкоуатль или Шопантекутли и отправился со своими людьми в область Сакатлан [Muñoz Camargo, 1966: 50-51]. Вождь Коскакуауэуэ и его люди вошли в один из «кварталов» города Уэшоцинко [Muñoz Camargo, 1966: 51]. Вождь Сематекутли и его племя заселили земли близ города Атлишко. Люди вождя Куаухцинтекутли поселились в «провинции Тепейякак» (современная муниципия Тепеака в шт. Пуэбла). Далее чичимеки двинулись в район вулканов Орисаба и Кофре-де-Пероте, повсеместно давая рекам, озерам, источникам и горным вершинам новые названия [Muñoz Camargo, 1966: 52]. Далее они дошли до границ «провинций» Чолуллан (современный район Чолула и город Чолула в шт. Пуэбла) и вулкана Ла-Малинче на территории современного штата Тласкала. В год Пять Кремень (1380 г.) часть чичимеков достигла гористой местности, откуда они изгнали всех местных жителей [Muñoz Camargo, 1966: 53-54]. Здесь будет основан город Тлашкаллан. Его название, которое буквально означает «место кукурузных лепешек», по словам Камарго, первоначально произносилось как Тешкаллан, т.е. «место скал», но чичимеки исказили это название своим неправильным произношением [Muñoz Camargo, 1966: 55, 71, 81]. Для такого выбора были веские основания, поскольку по мере расселения чичимеков по восточной части Центрального плоскогорья среди них начались междоусобные войны. В результате предки тлашкальтеков были вынуждены поселиться на вершине неприступного холма Тепетикпак, где их осадили их соседи из Уэшоцинко и часть бывших соплеменников. Согласно преданию, излагаемому Камарго, это произошло в год Девять Кремень (1384 г.) и ознаменовалось чудом, которое для осажденных сотворил Камаштли в ответ на их молитвы [Muñoz Camargo, 1966: 57]. Осажденные, поднявшись на самую вершину холма Тепетикпак, где стоял храм Камаштли, обратились к нему с молитвами о помощи и в качестве приношения положили перед его алтарем множество стеблей тростника, прутьев, оленьих жил и перьев, т.е. материалов, необходимых для стрел. Тогда Камаштли посоветовал им прибегнуть к следующему магическому ритуалу. Осажденные на холме Тепетикпак нашли прекрасную девственницу, у которой одна грудь была немного больше другой, привели ее в храм Камаштли и заставили выпить некое зелье, после которого у нее в одной груди появилось молоко. Однако жрецам удалось извлечь всего одну каплю молока из груди девственницы, и они поместили ее в «божественную чашу» из черного камня. Затем чашу с каплей молока, наконечники для стрел, прутья, оленьи жилы и перья прикрыли зелеными ветвями и стали совершать перед ними обычные жертвоприношения из резаной фикусовой бумаги *амате*, агавовых шипов и табака [Muñoz Camargo, 1966: 62]. В течение трех дней главный жрец несколько раз окуривал алтарь

и возносил моления, пока накануне решающего сражения капля молока в чаше не начала пениться и кипеть. Затем кипящая жидкость вылилась из чаши и разлилась по алтарю, обрызгав стебли тростника, прутья, оленьи жилы, наконечники и перья. Тогда они сами собой сложились в стрелы [Muñoz Camargo, 1966: 63]. Затем в храм привели одного из пленных уэшоцинков, у которого немедленно вырвали сердце и положили на алтарь. Содранную с него кожу надели по обычаю на жреца — имперсонатора божества [Muñoz Camargo, 1966: 65]. Под звук флейт, барабанов и морских раковин главный жрец храма вновь обратился с мольбой к Камаштли. Взяв чашу с молоком девственницы, он вылил его на кожу принесенного в жертву пленника, затем он взял одну из чудесным образом возникших стрел и выпустил ее из лука. В этот же момент все остальные стрелы, лежавшие у алтаря Камаштли, начали двигаться и понеслись в сторону врагов, поражая их с такой быстротой, что обратили в бегство. Осажденные на холме Тепетикпак последовали за отступавшими неприятелями и разбили их наголову [Muñoz Camargo, 1966: 67–68]. В результате предки тлашкальтеков заключили мир со всеми своими соседями, которые долго не осмеливались их тревожить. Они разметили границы отвоеванной ими территории, поставив межевые знаки, и на холме Тепетикпак был основан одноименный город, ядро будущей «республики Тлашкаллан», главного союзника Кортеса в борьбе с гегемонией астеков в Центральной Мексике [Muñoz Camargo, 1966: 70]. Поначалу тлашкальтеками правил один правитель Кулуатекутли, но затем он уступил один из «кварталов» города Окотелулько («в высоком месте сосен») и половину всей «провинции Тлашкала» младшему брату Теойуальминки Чичимекатекутли. Братья поделили также и главную святыню тлашкальтеков — «пепел» Камаштли, часть которого также осталась у ближайшего соседа и соперника Тлашкаллана города-государства Уэшоцинко [Muñoz Camargo, 1966: 71–72]. В последующие два века в результате внутренних усобиц образовались еще два города: Тисатлан («место мела») и Киуистлан («место дождей»). К моменту прихода испанских конкистадоров в 1519 г. именно эти четыре города-государства — Тепетикпак, Окотелулько, Тисатлан и Киуистлан — составляли «республику Тлашкала», названную так испанцами, потому что, в отличие от «астекской империи», она не имела единого общего правителя и управлялась «сенатом» из правителей и знати данных городов. Подобное деление на четыре основные части в целом весьма характерно для городов-государств и объединений городов-государств науа и отражает их представление о Вселенной как о квадрате, разделенном в горизонтальном отношении по четырем сторонам света. Впрочем, полиэтничный состав населения Мезоамерики и постоянное прибытие на протяжении всего доиспанского периода все новых групп мигрантов, основавших собственные поселения и кварталы на территории почти каждого города-государства, вызывали постоянное усложнение этой изначальной структуры.

Общий обзор этногонических мифов науа накануне испанского завоевания как этнополитического источника позволяет сделать следующие выводы.

В целом этногонические мифы науа показывают многослойность их этнического сознания накануне испанского завоевания, в котором можно выделить три уровня.

1. Уровень осознания себя как единой этнической общности с общим происхождением и единым языком, но разными политическими и экономическими интересами.

2. Уровень осознания себя как жителей определенной области, часто объединенных в конфедерацию с общими оборонительными и наступательными интересами при сохранении полной автономии ее членов в вопросах внутреннего управления, а зачастую и внешней политики; в качестве примеров подобных объединений можно привести Тройственный союз и конфедерацию чальков. За пределами долины Мехико примером подобного политического образования может служить «республика Глашкала» (Глашкаллан).

3. Уровень самоидентификации как жителей определенного города-государства *альтепетль*, и именно этот уровень преобладал в сознании науа накануне испанского завоевания над всеми остальными. По сути, все рассмотренные нами предания — это истории основания отдельных городов-государств и их отношений с ближайшими соседями. В структурном отношении *альтепетль* представлял собой объединение общин, нередко разноэтничных, под властью правителя или коллективного органа из глав наиболее влиятельных кварталов, что было типичным и для древних городов-государств Старого Света. Как и в Старом Свете, *альтепетль* имел четко определенные границы, собственный храмовый центр, рассматривавшийся как обиталище его бога-покровителя [Калюта, 2023: 83], собственный судебно-административный аппарат, содержавшийся за счет податей с его жителей. В период военных действий *альтепетль* выставлял свой отряд воинов. Отнюдь не случайно, что кульминацией в рассмотренных нами мифах и преданиях является основание *альтепетля* и установление его границ. Само это событие рассматривается как проявление воли бога-покровителя, явленной путем чудесных знамений, как в случае с основанием Теночтитлана и Амакемекана. При этом в каждом мифе об основании того или иного города-государства наблюдается тенденция представить его как изначального гегемона над всеми остальными, а его жителей — как избранных богами в качестве главенствующей группы.

Этногонические мифы науа также проливают свет и на эволюцию такого института, как *кальпулли* — дословно «большой дом». Характер *кальпулли* был и остается предметом ожесточенных споров со второй половины XIX в., когда на него обратили внимание «отец американской социальной

антропологии» Льюис Генри Морган и его ученик Адольф Бандельер [Morgan, 1877: 186–214; Bandelier, 1878: 385–448]. Рассмотренные нами этногонические предания показывают исключительную многозначность данного термина, поскольку в них слово *кальпулли* обозначает следующее.

1. Племена или «народы» в момент их исхода из Чикомостока и первоначальных совместных странствий в поисках новой родины. Именно в этом значении термин *кальпулли* употребляется в «Кодексе Ботурини» по отношению к восьми племенам, совместно покидающим общую прародину. При этом в число данных восьми *кальпулли* входит и неродственное науа племя матлалцинков.

2. Часть племени в эпоху миграции вплоть до основания собственного поселения, в котором каждый *кальпулли* получает свои земли и таким образом превращается в замкнутый квартал, ревниво охраняющий собственную территорию от посягательств соседей. Члены *кальпулли* также предпочитали заключать браки между собой, избегая чужаков. Стоит отметить, что еще в эпоху миграции каждый *кальпулли* уже имел своего главу, представляющего его интересы во время общих собраний, и богов-покровителей.

3. Весь *альтенетль*, т.е. город-государство [Carrasco, 1964: 187].

На наш взгляд, именно эта многозначность данного термина отражает эволюцию *кальпулли* — от сравнительно небольшой группы охотников и собирателей, связанных между собой родственными связями и обязательствами взаимопомощи, до «квартала» того или иного города-государства, имеющего собственные строения, в том числе и храм, земельные угодья и собственный административный аппарат во главе с *кальпуллеком* и советом из глав наиболее влиятельных семей. Очень часто *кальпулли* специализировались на определенном виде хозяйственной деятельности, ремесла и торговли, что еще больше способствовало сохранению их обособленности и самоуправления. Учитывая полиэтнический состав доиспанских городов-государств, крупные и влиятельные иноэтничные *кальпулли*, специализирующиеся на определенном виде деятельности, являлись, по сути, городом в городе, поддерживая свою идентичность с помощью эндогамных браков, единой экономической организации и общих ритуалов, закрытых для чужих.

Список литературы / References

Калюта А.В. (2023) Ацтекская «империя» и общественный строй науа глазами российских историков, этнографов и археологов, *Иberoамериканские тетради*, № 4, с. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87

Kalyuta A.V. (2023) Atstekskaya «imperiya» i obshchestvennyi stroi naua glazami rossiiskikh istorikov, etnografov i arkheologov [The «Aztec Empire» and Nahua (Aztec) Socio-Political Organization Through the Eyes of Russian Historians, Ethnologists and Archeologists],

Iberoamerican Papers, no. 4, pp. 62–87. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-62-87 (In Russian)

Кинжалов Р.В. (1993) *Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана*, Москва, Наука, Ладомир, 252 с.

Kinzhlov R.V. (1993) *Popol'-Vuh. Rodoslovnaja vladyk Totonikapana* [Popol Vuh. Ancestry of the Lords of Totonicanpan], Moscow, Nauka, Ladomir, 252 p. (In Russian)

Alvarado Tezozomoc H. (2001) *Crónica mexicana* [Mexican chronicle], Madrid, Dastin Historia, 576 p. (In Spanish)

Alvarado Tezozomoc H. (2012) *Crónica Mexicayotl. En Tres crónicas mexicanas. Textos recopilados por Domingo Chimalpáhin* [Mexico Cronicle. In Tres Mexican chronicles. Texts collected by Domingo Chimalpáhin], México, Cien de México, pp. 25–157. (In Nahuatl)

Bandelier A.F. (1878) On the Distribution and Tenure of Lands and Customs with Respect to Inheritance among the Ancient Mexicans, *Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. XII Annual Report*, Cambridge, Harvard University, pp. 385–448.

Bierhorst J. (ed.) (1992) *History and Mythology of the Aztecs. The Codex Chimalpopoca*, Tucson, University of Arizona Press, 238 p.

Bierhorst J. (ed.) (2011) *Codex Chimalpopoca: The Text in Nahuatl with a Glossary and Grammatical Notes*, Tucson, University of Arizona Press, 210 p.

Calnek E.E. (1978) The City-State in the Basin of Mexico. Late Prehispanic Period, in R.P. Schaedel, J.E. Hardoy, N. Scott-Kinze *Urbanization in the Americas from its Beginnings to Present*, Mouton, De Gruyter, pp. 315–327.

Carrasco P. (1964) The Family Structure of the 16th Century Tepoztlan, in R.A. Manners (ed.) *Process and Pattern in Culture: Essays in Honor of Julian Steward*, Chicago, Routledge, pp. 185–210.

Cortés H. (2007) *Cartas de relación* [Letters of Relation], México, Editorial Porrúa, 399 p. (In Spanish)

Chimalpáhin Quauhtlehuanitzin D.F. (1998) *Las ocho relaciones y el Memorial de Culhuacan* [The Eight Relaciones and Memorial of Culhucan], México, Cien de México, 435 p. (In Nahuatl and Spanish)

Chimalpáhin Quauhtlehuanitzin D.F. (2001) *Diario* [Diary], México, Cien de México, 427 p. (In Nahuatl and Spanish)

García Icazbalceta J. (ed.) (1891) *Historia de los mexicanos por sus pinturas* [History of Mexicans by their Paintings in New Collection of Documents for History of Mexico] *Nueva colección de documentos para historia de México* [New collection of documents on Mexican history], vol. 3. México, pp. 228–263. (In Spanish)

Gillespie S.D. (2007) Toltecs, Tula and Chichen Itza. The Development of Archeological Myth in J.K. Kowalsky, C. Kristan-Graham (eds.) *Twin Tollans. Chichén Itzá, Tula, and the Epiclassic to Early Postclassic Mesoamerican World*, Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, pp. 84–127.

Hodge M.G. (1984) *Aztec City-States*, Ann Arbor, University of Michigan, 166 p.

Johansson Keraudren P. (2004) *La palabra, la imagen y el manuscrito. Lecturas indígenas de un texto pictórico en el siglo XVI* [The Word, the image and the manuscript. Indigenous readings of one pictorial text in the XVI century], México, UNAM, 480 p. (In Spanish)

Kristan-Graham C., Kowalsky J.K. (2011) Chichen Itza, Tula and Tollan. Changing Perspectives on a Recurring Problem, in J.K. Kowalsky, C. Kristan-Graham (eds.) *Twin Tollans. Chichén Itzá, Tula, and the Epiclassic to Early Postclassic Mesoamerican World*, Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, pp. 1–58.

Leibsohn D. (2009) *Script and Glyph. Prehispanic History, Colonial Boolmaking and the Historia Tolteca-Chichimeca*, Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 200 p.

López Lujan L., Anda Rogel M.de. (2017) Teotihuacan en Mexico-Tenochtitlan: descubrimientos recientes nuevas perspectivas [Teotihuacan in Mexico-Tenochtitlan: recent discoveries, new perspectives], *Estudios de cultura náhuatl*, no. 54, pp. 17–60. (In Spanish)

Morgan L.H. (1877) *Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*, London, MacMillan & Company, 560 p.

Muñoz Camargo D. (1966) *Historia de Tlaxcala* [History of Tlaxcala], Guadalajara, Universidad de Guadalajara, 278 p. (In Spanish)

Sahagún B. de (1979–1981) *Códice Florentino. El manuscrito 218-20 de la colección palatina de la Biblioteca Medicea Laurenziana* [Florentine Codex. The Manuscript 218-20 of the Laurenzo Medichi Library], México, Fondo de Cultura Económica, 3 vols. (In Spanish and Nahuatl)

Sanders W.T., Webster D. (1988) The Mesoamerican Urban Tradition, *American Anthropologist*, no. 90, pp. 521–546.

Vázquez Chamorro G. (ed.) (2001) *Origen de los mexicanos* [Origin of Mexicans], Madrid, Dastin, 223 p. (In Spanish)